

*А. Д. КОШЕЛЕВ*¹

К ОПИСАНИЮ УНИВЕРСАЛЬНОГО КОНЦЕПТА ‘ОБМАН–ОБМАНУТЬ’

1. Ведение

Все люди, независимо от их языка и культуры, осмысленно действуют в окружающем их мире. Они едят, играют, смеются и плачут, помогают своим ближним и обманывают их, и т. д. Ясно, что разумное поведение человека базируется на некоем мысленном Представлении окружающего его мира — том Представлении, которое мы и видим как внешний мир. Условимся называть это Представление Жизненным миром человека.

Зададимся хрестоматийным вопросом: в какой мере Жизненный мир человека обусловлен его естественным языком (своим для каждой этнокультуры)? Многочисленные когнитивные исследования последних десятилетий (см., напр. [Крайг, Бохум 2007: 318 и сл.; Би 2004: 258 и сл.]) свидетельствуют о том, что начальная фаза Жизненного мира формируется у ребенка очень рано: уже к 7—8 месяцам, т. е. до начала усвоения языка, причем не только активной, но и пассивной его стадии. Косвенным подтверждением этого служит тот факт, что антропоид, в частности шимпанзе, не владея человеческим языком, но обладая системой восприятия, близкой к человеческой (см. [Зорина, Смирнова 2005: 96 и сл.; Сергиенко 2006: 185, 229; Гудолл 1992: 37 и сл.]), способен подобно человеку играть, смеяться, помогать своим сородичам и обманывать их, узнавать себя в зеркале [Сергиенко 2006: 229, 337—340] и т. д. Следовательно, у шимпанзе формируется свой Жизненный мир, и некоторые входящие в него концепты: «Еда–Есть», «Игра–Играть», «Обман–Обманывать» сходны с общечеловеческими концептами.

Условимся начальную (доязыковую) фазу Жизненного мира ребенка — продукт его первичной (видоспецифической) категоризации воспринимаемого мира — называть Природным миром. В силу своего генезиса Природный мир един для носителей разных языков и культур. Элементами этого мира являются когнитивные единицы — концепты (мысленные представления предметов, со-

¹ Статья опубликована в сб. Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / Отв. Ред. Н. Д. Арутюнова. — М.: Издательство «Индрик», 2008. С. 117—132.

бытий и пр.) и связывающие их отношения (пространственно-временные, причинно-следственные и др.).

Усваиваемый ребенком язык, накладываясь на Природный мир, осуществляет уже вторичную (лингвоспецифическую) классификацию его элементов (концептов). В результате Жизненный мир человека оказывается двуслойным: он складывается из универсальной (общечеловеческой) основы — Природного мира и его лингвоспецифического осмысления, которое мы будем называть Этнокультурным миром (для сравнения: Жизненный мир шимпанзе, не обладающего человекоподобным языком, является однослойным и сводится к его Природному миру).

2. О двух парадигмах естественного языка

В связи с двусоставностью Жизненного мира человека («нижний» слой — Природный мир и «верхний» слой — Этнокультурный мир) возникает вопрос: как же соотносятся языковые, в частности лексические, значения с предметами и ситуациями Природного мира? Рассмотрим два альтернативных ответа.

1) Согласно традиционной точке зрения, предметы мира становятся референтами языкового знака, через посредство его значения. Это положение «средневековые грамматики формулировали ... так: форма слова ... обозначает „вещи“ посредством „понятия“, ассоциируемого с формой в умах говорящих на данном языке» ([Лайонз 1978: 427]). Из этого положения следует, что языковой знак — это трехсторонняя сущность:

Означающее (акустический образ) — Означаемое (понятие) — Референты (предметы).

Тем самым, язык мыслится как незамкнутая система знаков, обращенных своими значениями не только друг к другу, но и к внеположной языку действительности.

В отечественной лингвистике этот подход представлен в работах В. Г. Гака и Д. Н. Шмелева (см. [Гак 1998: 210 и сл.; Шмелев 1977: 55 и сл.]). Так, Д. Н. Шмелев определяет слово как

языковой знак, призванный обозначать предметы и явления окружающей действительности <...> В основе значения знаменательного слова лежит именно понятие, содержащее общие существенные призна-

ки какого-то отрезка действительности, т. е. такие признаки, которые дают возможность объединить единичные предметы и явления в определенные классы [Шмелев 1977: 60; разрядка автора].

2) Другая, альтернативная традиционной, точка зрения трактует язык как замкнутую и самодостаточную систему языковых знаков, а языковой знак — как двустороннюю сущность:

Означающее (акустический образ) — Означаемое (понятие).

Эта точка зрения, идущая в современной версии от Ф. де Соссюра, представлена в работах А. А. Реформатского, И. А. Мельчука и др.

Так, например, А. А. Реформатский исключает общий («природный») компонент значения из лингвистического описания, ср.:

для лексики единственная возможность понять и построить систему заключается в отказе от термина и понятия «значение» ⟨...⟩ лексику как систему образуют те связи и отношения, которые составляют «сетку значимостей» [Реформатский 1967: 108]. ⟨...⟩ Отрицать у слов значение никто не собирается, и в очень многих случаях этим должен заниматься ученый. Но какой ученый? Кто по специальности? Вряд ли лингвист, если лингвист изучает язык как систему и структуру [там же: 118]. ⟨...⟩ при построении лексической системы важно не то, что значит отдельное слово (*есть* = *essen* или *manger*), а то, что возникает при наличии *есть*, *вкушать*, *кушать*, *жрать*, *шамать* [там же: 119].

Д. Н. Шмелев, в отличие от А. А. Реформатского, считает необходимым включать данный компонент в лексическое значение:

Индивидуальные лексические значения слов в значительной степени обусловлены природой обозначаемых словами предметов и явлений самой действительности ⟨...⟩ Непосредственная обращенность лексики к внеязыковой действительности является ее существенной особенностью ⟨...⟩ Конечно, возможно изучение значений слов на основе их лексической и синтаксической сочетаемости ⟨...⟩ Но такое изучение, очень важное для семасиологии, не является само по себе изучением значений ... не может раскрыть подлинной природы существующих между ними различий ⟨...⟩ при всей привлекательности идеи о некоторой освобожденной от значения «сетки значимостей» неясно, как можно изучать номинативные единицы как таковые, игнорируя их номинативную функцию [Шмелев 2006: 13—16].

Отметим, что в приведенной выше цитате Реформатский следует мнению А. А. Потебни, ср.:

Что такое «значение слова»? Очевидно, языкознание, не уклоняясь от достижения своих целей, рассматривает значение слов только до известного предела ... говоря о значении слова *дерево*, мы должны были бы перейти в область ботаники, а по поводу слова *причина*, или причинного союза — трактовать о причинности в мире. Но дело в том, что под значением слова вообще понимаются две различные вещи, из коих одну, подлежащую языкознанию, назовем ближайшим, другую, составляющую предмет других наук, дальнейшим значением слова. Только одно ближайшее значение составляет действительное содержание мысли во время произнесения слова [Хрестоматия 1956: 127; разрядка автора. — А. К.].

В связи с этим интересно привести здесь точку зрения Р. Якобсона, высказанную им в 1935 г. в Брно, в курсе лекций «Формальная школа и современное русское литературоведение». Анализируя взгляды Потебни, он отмечал:

установка на предметность является сущностью знака, и — прежде всего — основой слова, основой языка. Знак и в особенности слово обозначает нечто, иначе он бы не был бы знаком, это его собственная функция, его идеал. Каково отношение этого гравитационного пункта, этого языкового идеала к языковому идеалу, который выделяет Потебня и который можно определить как установку на знак или самодостаточность, самоцельность знака. Здесь мы снова сталкиваемся с одной из основных языковых антиномий. Обе функции знака здесь неразрывно связаны — информативная функция, ориентация на предмет, и поэтическая функция — установка на сам знак. Установка на знак предполагает одновременное существование противоположной функции, то есть ориентации знака на объект реальности, ибо иначе знак перестает быть знаком и обращается в ничто. Повторяю — знак, не предназначенный для того, чтобы что-то означать, — нечто абсолютно невозможное, *contraditio in adjecto*. И наоборот, говоря о том, что знак представляет объект, мы не можем терять ощущение знака, чувство знака, мы должны — чтобы осознать предметность, вещественность знака — осознавать противоположность, различность, дуализм знака и означаемого объекта, то есть должны подразумевать знак как таковой, принимать его как предмет *sui generis* [Якобсон, в печати].

Следует, наконец, сказать, что в общем плане данная проблема обсуждалась уже у В. Гумбольдта. По его мысли, «предметы» существуют для человека сами по себе, но его отношение к ним обусловлено языком, ср.:

При рассмотрении элементов языка не подтверждается мнение, что он лишь обозначает предметы, доступные нашему восприятию. Это мнение не исчерпывает глубокого содержания языка. <...> Так как восприятие и деятельность человека зависят от его представлений, то его отношение к предметам целиком обусловлено языком [Гумбольдт 1956: 81; разрядка моя. — А. К.].

Подводя итог этому краткому обзору, заметим, что независимо от того, относится ли универсальный компонент языкового значения к компетенции лингвистики или нет, его изучение представляется весьма важным. Другое дело, что, ввиду его универсального характера, он вполне может изучаться и описываться внелингвистическими методами — и тут и Потенция, и Реформатский, как кажется, совершенно правы.

3. Описание концепта ‘Обман–Обмануть’

Попытаемся дать внелингвистическое описание универсального концепта ‘Обман–Обмануть’, т. е. «обманного действия деятеля в отношении адресата».

Основанием для нашей попытки служит тот факт, что этот концепт принадлежит Жизненному миру любого человека, независимо от его культурной принадлежности. Напомним, что в своем исходном виде он присущ также и некоторым высшим животным, например антропоидам, ср.: «Установлено, например, что способность к преднамеренному обману — один из главных параметров интеллекта антропоидов, который отсутствует у низших обезьян» [Зорина, Полетаева 2002: 110].

1. О языковых значениях слов *правда*, *ложь*, *обман*. Предварим наш анализ кратким обзором некоторых лингвистических подходов к описанию семантики слов *правда*, *ложь*, *обман*.

Рассматривая значения слова *правда*, А. Вежбицкая пишет:

Русское слово *правда* полисемично: один его смысл универсален (*это правда* 1), а второй его смысл — чисто русский (*это правда* 2). Универсальные

понятия можно показать только в определенных синтаксических рамках. Для универсального понятия *правда* предполагаются следующие универсальные рамки:

это — правда,

это — неправда.

Это канонические предложения, которые можно легко перевести на любой язык [Вежбицкая 2002: 11].

Соглашаясь с приведенным утверждением, мы, тем не менее, должны констатировать, что проблема эксплицитного объяснения значений «канонических предложений» все равно остается. Такое объяснение необходимо хотя бы для того, чтобы понять, а) совпадают или нет классы правдивых и неправдивых высказываний в разных языках и б) почему к некоторым высказываниям не применимо ни одно из канонических предложений.

В более ранней статье 1990 года (см. ее перевод в [Вежбицкая 1996: 205—206]), обсуждая значение русского слова *ложь*, Вежбицкая писала:

Согласно Коулмен и Кею (Coleman, Kay 1981), то, является некоторое высказывание ложным или нет, — вопрос степени, поскольку набора необходимых и достаточных признаков, определяющих понятие ‘ложь’, не существует. Этот вывод ... основан частично на анализе так называемой социальной лжи и невинной лжи (лжи во спасение), а частично — на анализе обмана путем умолчания. Например, неискренние высказывания типа «Какое очаровательное платье!» ... чаще объявляются частично ложными, чем просто ложными или неложными. Точно так же притворные подбадривающие высказывания, обращенные к смертельно больному пациенту, рассматриваются как частично ложные чаще, чем просто как ложные или неложные. <...>

Интересно, что информанты готовы квалифицировать «социальную ложь», ложь во спасение и умолчание как «частичную ложь». Однако семасиологи не обязаны принимать суждения информантов за чистую монету. Методология Коулмен и Кея, так же, как и методология Рош, имеет тенденцию порождать результаты, ожидаемые и желаемые исследователями. Поскольку информанты получили семибальную шкалу от 1 (‘несомненно не ложный’) до 7 (‘несомненно ложный’), они действовали, как ожидалось, и распределили все предложенные им примеры в соответствии с этой шкалой. Во всяком случае, вряд ли можно считать, что Коулмен и Кей достигли своей цели («мы намерены поставить под сомнение само понятие дискретного семантического признака»). Слову *лгать*

можно дать вполне обоснованное толкование на языке «дискретных семантических признаков»:

X солгал Y-у =
 X что-то сказал Y-у
 X знал, что это неправда
 X сказал это, потому что хотел, чтобы Y думал, что это правда
 [люди могут сказать: если кто-то делает так, это плохо]

Конечно между ложными, неискренними и уклончивыми высказываниями есть сходство так же, как есть сходство между птицами и летучими мышами, и информанты его осознают. Однако это отнюдь не доказывает, что понятие дискретного семантического признака необоснованно <...> Дать адекватные (т. е. имеющие прогнозирующую силу) толкования ... трудно, но не невозможно.

Полностью разделяя эту точку зрения, заметим все же, что данное А. Вежбицкой толкование не позволяет объяснить, почему (благодаря каким свойствам) приведенные ею «неискренние высказывания» нельзя квалифицировать как ложные. И причина в том, что интуитивно ясные универсальные значения *правда* 1 и *неправда* 1 сами нуждаются в эксплицитном описании, но не языковом (можно полагать, что в языке они действительно относятся к числу исходных), а в доязыковом, составленном из универсальных (базовых) концептов.

Попытаемся осуществить сказанное в отношении концепта «Обман–Обмануть», т. е. в отношении «обманного действия» как такового. Для этого введем в рассмотрение такие концепты, как «желание», «действие», «искреннее» / «неискреннее» действие и др., и с их помощью определим сначала класс «неискренних» действий, а затем его подкласс «обманных действий».

Обратимся к толкованию слова *обман*, данному в [НОСС 2004: 668]:

Обман, так же как и **неправда**, **ложь**, **вранье**, в их прототипическом употреблении, предполагает сознательное введение адресата в заблуждение с целью добиться чего-то для себя

Однако между лексемами **неправда**, **ложь**, **вранье**, с одной стороны, и лексемой *обман*, с другой, есть и различия. Во-первых, *обман* предполагает более широкий спектр средств создания заблуждения — не только высказывания, но и действия ... Во-вторых, *обман* (в тех случаях, когда качестве средства используется высказывание) не может, в отличие от **неправды**, **лжи** и **вранья**, характеризовать содержание единичного высказывания. Он непременно

предполагает некоторый план и, следовательно, некую продуманную совокупность действий или высказываний (разрядка автора. — *А. К.*). Ср., ... *Обман удался, ... но не *Ты там был? — Нет. — Обман! (при возможности Ты там был? — Нет. — Неправда (ложь, вранье).*

В приведенном описании содержатся некоторые важные свойства обманного действия. Однако их все же недостаточно, чтобы вполне его идентифицировать. Попытаемся выявить недостающие свойства.

2. Базовые концепты. Введем базовые концепты Действие и Желание человека.

Термином Желание мы обозначаем обобщенное понятие, охватывающее самый широкий спектр конкретных желаний-целей человека, вызванных как спонтанными чувствами (голод, радость), так и текущими целями (забить гол, успеть на электричку)².

В самом общем плане Действием мы считаем любую последовательность происходящих в мире изменений, которые влияют на какое-то Желание человека. В этом отношении Желание — непреложный компонент Действия, придающий внешним изменениям целостность и законченность.

(1) Действием человека мы будем называть типичную последовательность осуществляемых им изменений в мире, которая сформировалась и обрела завершенность, побуждаясь сначала каким-то одним и тем же его первичным Желанием.

Например, «чувство голода» порождает первичное Желание «насытиться». Голодный человек, движимый этим Желанием, идет в кафе и осуществляет там действие «Есть». Подчеркнем: первичным, или формирующим действие «Есть», является именно Желание «насытиться». Сформировавшись в сознании ребенка в результате многочисленных повторений, став типизированным, действие затем «отрывается» от своего первичного Желания, становится самостоятельным и может побуждаться уже иными, вторичными Желаниями. Так, человек, лишившийся аппетита, может есть «для поддержания сил», гур-

² В психологической литературе вместо термина Желание используется термин «актуализованный Мотив» (или драйв — «влечение»), см. [Макклелланд 2007: 113]. Мы предпочитаем термин Желание, поскольку он в одинаковой мере применим и к человеку, и к животному, а, кроме того, интуитивно более прост и понятен, чем термин Мотив.

ман может есть не будучи голодным, исключительно для получения удовольствия и т. д. Эти желания-цели удовлетворяются уже сформировавшимся и «чужеродным» им действием «Есть».

Другой пример — действие «Улыбаться». Его источником является чувство удовольствия или радости, возникающее у человека от взаимодействия со своим окружением (другим человеком, животным, природой). Это чувство непроизвольно порождает и первичное Желание — выразить эту радость мимикой лица. Однако, сформировавшись, действие «Улыбаться» отрывается от своего первичного желания. Теперь оно способно побуждаться другими, уже вторичными Желаниями, например, Желанием соблюдать нормы этикетного поведения при встречах и прощаниях с другими людьми, скрыть смущение и пр.³

Третий пример — действие «Высказываться». Первичным для него было Желание ребенка сообщить окружающим какую-то свою мысль, точку зрения или известный ему факт. Но, как и предыдущие, это действие затем обрело самостоятельность и также может побуждаться совершенно иными Желаниями: показать окружающим свою эрудицию, посмешишь их, ввести в заблуждение и пр.

Далее важной будет дихотомия: *п р я м ы е*, или непосредственные желания и действия *vs.* *о т р а ж е н н ы е*, или опосредованные желания и действия.

Чтобы объяснить ее, вернемся к введенному выше понятию *Жизненный мир человека*. Наряду с его «горизонтальным», или «послойным» делением (Природный и Этнокультурный миры), введем «вертикальное» деление на два разнородных мира. Один — это *собственный мир человека*, содержащий его личные представления о мире, других людях. Второй — это *отраженный мир*, содержащий представления других людей о том же мире, сформировавшиеся у человека наряду с его собственными представлениями⁴. В соответствии с этим делением и желания человека раздваиваются: одни — *собственные желания* — обусловлены его соб-

³ Заметим, что улыбки, порожденные первичным и вторичным желаниями, различаются даже внешне, ср.: «Уже в середине прошлого века французский нейроанатом Дюшен де Болонье отмечал, что улыбка удовольствия (улыбка в первичном ее контексте) отличается по внешнему виду от намеренной улыбки по характеру сокращений двух лицевых мышц...» [Бутовская 2004: 70] (подробнее об улыбке и смехе см. в [Кошелев 2007]).

⁴ В когнитивной психологии эта область представлений человека (о представлениях других людей) называется моделью психического (Theory of mind), см., напр., [Сергиенко 2006: 318].

ственным миром и нацелены на его изменение или сохранение, другие — отраженные желания — обусловлены отраженным миром и нацелены на его изменение или поддержку.

Пример. Представим себе ситуацию, когда проголодавшийся человек, зайдя в кафе, неожиданно оказался в компании своих высокопоставленных знакомых, которые пригласили его к своему столу. Не желая ударить в грязь лицом, он делает подходящий в данной ситуации заказ, никак не соответствующий его личным вкусам, и, подобно другим, чуть притрагивается к еде, делая вид, что сыт. В результате он, закончив обед, так и остается полуголодным. В данном случае действие «Есть» порождено отраженным Желанием «вызвать у окружающих впечатление, что X — человек их круга, такой же, как они (по вкусам, привычкам и пр.)». Однако он может поступить и иначе: заказать то, что ему хочется, вопреки вкусам его знакомых. В этом случае его действие «Есть» будет порождено уже его собственным Желанием. Аналогично и действие в последнем случае мы будем называть прямым, а в первом — отраженным ⁵.

Точно так же, если человек улыбается, чтобы скрыть свое смущение, это будет отраженное действие. Если же он улыбается, чтобы выразить (присущую ему!) этикетную форму общения, — это уже прямое действие, вызванное его прямым желанием быть вежливым.

(2) Действие человека мы будем называть прямым, если оно побуждается его собственным Желанием, и отраженным, если оно побуждается отраженным Желанием.

Перейдем теперь к определению искренних и неискренних действий. Мы показали, что любое действие может побуждаться самыми разными желаниями человека. В частности, оно может быть как искренним, так и неискренним. Прежде всего заметим, что неискренним может быть только отраженное желание, но не всякое, а лишь такое, которое человек осуществляет в о-

⁵ Конечно, совокупное Желание, побуждающее прямое или отраженное действие, будет смешанным: уступая вкусам своих знакомых, человек все-таки отчасти насыщается (изменяет свой собственный мир), и наоборот, заказывая то, что ему хочется, человек не полностью игнорирует эти вкусы. Однако в каждом случае доминирует какое-то одно желание: либо отраженное, либо собственное. Оно и дает название побуждаемому им действию.

преки его собственному желанию. Например, действие человека в кафе, отвечающее вкусам его знакомых, будет неискренним, если эти вкусы ему неприятны, и искренним, если они не противоречат его вкусам. Аналогично, если, реагируя на грубую и плоскую шутку начальника, подчиненный угодливо улыбается, это неискреннее действие, идущее вразрез с его собственным желанием. Если же подчиненный нашел шутку хоть и грубой, но смешной, его улыбка относится уже к типу искренних действий.

- (3) Действие человека мы будем называть искренним, если оно прямое, т. е. побуждается его собственным Желанием, и неискренним, если оно побуждается отраженным Желанием, вопреки его собственному желанию.

Так, высказывание *Какое очаровательное платье!* будет неискренним, если говорящий считает иначе, и искренним, если говорящий выразил свое мнение.

3. Обманные действия. Ясно, что намеренно обманными могут быть лишь неискренние действия, причем не все, а лишь некоторые. Так, приведенные выше примеры неискренних действий не трактуются нами как обманные, хотя в них деятель «вводит адресата в заблуждение» и добивается «чего-то для себя». Как нам кажется, обманным признается лишь такое неискреннее действие, используя которое деятель получает что-то для себя за счет адресата, в ущерб ему.

Поясним это утверждение. Представим себе такую картину: дети собирают в лесу грибы. Как только один из них с радостным криком бросается к найденному грибу, те, кто поблизости, бегут к нему, надеясь найти там и другие грибы. Если мальчик, увидевший неподалеку гриб, не подавая вида и сдерживая себя, тихо приближается к нему, его действие становится неискренним, но не обманным. Если мальчик своим возгласом привлекает товарищей к пустому месту, это будет скорее ложью, чем обманом. Однако если он сам при этом бросится к покинутому товарищами месту, чтобы собрать не замеченные ими грибы, это уже будет явным обманом.

Для иллюстрации сказанного рассмотрим три примера из книги [Гудолл 1992], описывающие обманные действия шимпанзе. Покажем попутно, что введенные концепты релевантны и для них, поскольку Жизненный мир шимпанзе

также разделяется на два мира. Один — «собственный», выражает их непосредственные представления о мире, а второй — «отраженный», выражает формируемые шимпанзе представления сородичей о мире. В соответствии с этим делением желая и действия шимпанзе также становятся собственными, искренними или, напротив того, отраженными, неискренними, обманными.

1) Первый пример — с молодым самцом по имени Фиган:

⟨Фиган⟩ заметил всеми забытый банан, висевший прямо над головой высокопоставленного самца Голиафа, который сидел под деревом и мирно занимался обыскиванием. Поглядев на Голиафа, Фиган отошел в сторону и следующие полчаса провел в таком месте, откуда банана ему не было видно (он понимал, что Голиаф мог проследить за его взглядом. — *А. К.*). Как только Голиаф ушел, Фиган спокойно вернулся и завладел добычей (с. 591).

2) Второй пример — с тем же доминантным самцом Голиафом и подчиненным самцом Дэвидом Седобородым:

Однажды, когда Голиаф сидел и ел мясо, его начал усердно обыскивать Дэвид Седобородый; через несколько минут, продолжая одной рукой обыскивание, вторую руку он осторожно стал приближать к упавшему кусочку мяса. Завладев добычей, Дэвид тотчас же прекратил груминг и ушел, чтобы съесть мясо (с. 588).

3) Третий пример — с шимпанзе Люси — описывает попытку «языкового» обмана «говорящего» шимпанзе. Однажды психолог Роджер Футс, участвовавший в эксперименте по обучению шимпанзе упрощенному языку жестов, войдя в пустую комнату, обнаружил, что кто-то опорожнился прямо на пол, и быстро догадался, что это сделала шимпанзе Люси. Вот словесный перевод последовавшего между ними разговора (на языке жестов):

Роджер: Что это? — Люси: Люси не знает. — Роджер: Ты знаешь. Что это? — Люси: Грязь, грязь. — Роджер: Чья грязь, грязь? — Люси: Сью. — Роджер: Нет, не Сью. Чья грязь? — Люси: Роджера. — Роджер: Нет, не Роджера. Чья грязь? — Люси: Грязь Люси, Люси. Прости Люси (с. 539).

Разберем эти примеры.

Во-первых, во всех трех случаях деятель осуществлял неискреннее действие в отношении адресата, желая, чтобы адресат воспринял его как искреннее действие. В первом случае Фиган не бро-

сился к банану (искреннее действие), а отвернулся от него (вопреки своему желанию, но учитывая желания Голиафа). Аналогично во втором примере: Дэвид начал обыскивание Голиафа, следуя не своему непосредственному желанию — помочь Голиафу, а отраженному желанию: отвлечь внимание сородича, т. е. ориентируясь на его восприятие мира. То же и в третьем примере.

Во-вторых, во всех трех случаях деятель тем самым стремился ввести адресата в заблуждение относительно своих последующих действий. В примерах 1 и 2 это ему удалось (Голиаф воспринял действие Фигана и Дэвида как естественные), в примере 3 — нет: Люси пыталась представить свои ложные высказывания как искренние, чтобы ввести в заблуждение Футса, однако это у нее не получилось.

В-третьих, во всех случаях деятель стремился извлечь из заблуждения адресата выгоду для себя. В первых двух случаях Фиган и Дэвид воспользовались заблуждением адресата и получили нечто для себя. В третьем случае со стороны Люси также была попытка получить нечто для себя (избежать наказания). Если бы Футс «поверил» ей, она использовала бы свои «высказывания», чтобы также извлечь для себя выгоду «в ущерб» Футсу.

Наконец, в-четвертых, деятель причинил ущерб адресату (Голиафу) только во втором случае: Дэвид извлек пользу для себя, взяв его мясо. Это — обманное действие.

Итак, обманным мы будем называть действие, отвечающее всем перечисленным четырем условиям: а) неискреннее действие, б) которое ввело в заблуждение адресата (было воспринято им как искренне), в) благодаря чему деятель извлек для себя пользу г) в ущерб адресату.

Действие Дэвида в примере 2 явно обманное, поскольку оно намеренно использовалось как отвлекающий маневр для незаметного завладения кусочком мяса, принадлежащим Голиафу. Конечно, можно сказать, что Дэвид стащил этот кусочек у Голиафа. Однако при этом он использовал обманное действие: если бы Дэвид просто подошел к Голиафу и незаметно взял кусочек мяса, тогда это было бы кражей в чистом виде, без примеси обмана.

В других примерах четвертое условие (ущерб адресату) не выполняется. Так, в примере 1 Фиган завладел бананом, который не принадлежал адресату

(Голиафу). Это поведение можно назвать хитрым, или скрытным, но не обман-ным. В примере 3 была совершена лишь попытка обмана.

4. Определение концепта «Обман–Обмануть». Теперь мы можем получить следующее определение обманного действия:

- (3) Действие деятеля *X* является обманным, если:
- а) оно неискреннее, но *X* стремится представить его адресату *Y* как искреннее,
 - б) адресат *Y* воспринял действие *X*-а как искреннее (был намеренно введен в заблуждение),
 - в) используя заблуждение *Y*-а, деятель *X* получил выгоду для себя и
 - г) в ущерб адресату *Y*.

Замечание. Слова *искреннее / неискреннее действие* были определены выше и употребляются в дефиниции (3) в терминологическом значении (как термины психологии). Таким образом (3) — это не языковое толкование, а когнитивное определение.

Примеры обманных действий.

1) Классическим обманным действием считается биржевая операция, осуществленная в XVIII в. одним из членов семьи Рокфеллеров. Все ждали сведений о битве, исход которой определял взлет или падение акций. Биржевые маклеры знали, что у Рокфеллера есть свои надежные источники информации, поэтому следили за его действиями. Узнав раньше других о благоприятном исходе битвы, Рокфеллер начал якобы втайне («неискренне») продавать свои акции. Это незамедлительно «вскрылось», и все также кинулись продавать свои акции. Они сразу же упали в цене, и Рокфеллер скупил их. Все четыре условия обманного действия налицо.

2) Игровое действие. Форвард мчится к воротам противника. Перед ним возникает защитник. Форвард делает начальное движение вправо. Защитник смещается вправо, чтобы воспрепятствовать продвижению форварда. Однако форвард резко меняет направление и уходит влево в освободившуюся зону, оставляя защитника за спиной. И здесь условия «а — г» нашего определения выполнены.

Теперь, опираясь на универсальный концепт (3), можно анализировать, как он воплощается в лексике различных языков, например, в значениях рус-

ских слов *обманщик*, *обман* и *обмануть*. Рассмотрим кратко последнее слово. Для этого необходимо прежде всего учитывать бытующие в социуме представления об этике, справедливости, заслуженности / незаслуженности наказания и под. Так, в русскоязычном сообществе обманные действия обычно находятся под этическим запретом и совершающий их деятель, как правило, осуждается⁶ независимо от принадлежности адресата к тому или иному социуму (своему или «чужому») или к миру животных. Поэтому значение глагола *обмануть* содержит негативную оценку деятеля, совершившего обманное действие.

В эксплицитном виде получим:

(4) *X обманул Y-а* =

- а) X совершил неискреннее действие, но стремится представить его адресату Y как искреннее,
- б) адресат Y воспринял неискреннее действие X-а как искреннее (был намеренно введен в заблуждение),
- в) используя заблуждение Y-а, деятель X получил выгоду для себя и
- г) в ущерб адресату Y;
- д) говорящий осуждает X-а.

Пример. *Продавщица (X) обманула [обсчитала] покупателя (Y)*. Здесь выполняются все пять условий определения (4). Рассмотрим кратко влияние каждого из них.

1. Не выполняется условие «а». Предположим, продавщица хотела дать сдачу точно, но ошиблась. Если в свою пользу, то она невольно (случайно) обманула покупателя, а если в пользу покупателя, то сама невольно обманулась. Сходным образом объясняется и употребление: *Глаза обманули меня, и я принял его за другого*.

2. Не выполняется условие «б». Если покупатель вовремя обнаружил недостачу, можно говорить лишь о попытке обмана, но не об обмане.

3. Не выполняется условие «в». Если продавщица отложила в сторону купюру, которую должна была отдать покупателю, но ее вдруг унесло ветром,

⁶ Под этот запрет не подпадают случаи «ритуального обмана», т. е. «обмана предписанного, ожидаемого, совершаемого по традиции» и обращенного не к реальному, а к сакральному адресату ([Толстая 1995: 105 и сл.]), а также целый ряд других разрешенных или не запрещенных обманов: в игре, в драке, во время охоты и пр.

то сомнительно сказать, что она обманула покупателя. Комизм фразы *Знаете анекдот про пассажира, который обманул железную дорогу: взял билет и не поехал* в том, что своим действием пассажир нанес ущерб не железной дороге, а себе.

4. Не выполняется условие «г». Предположим, на благотворительной распродаже продавщица называет покупателю более высокую цену, а покупатель платит (жертвует) еще большую сумму. В этой ситуации также не скажешь, что она обманула покупателя. То же верно и в случае, когда одна дама неискренне говорит другой: *Какое очаровательное платье!*

5. Не выполняется условие «д». Предположим, что покупатель — сам вор и, по мнению говорящего, обчитать его — поступок, достойный не осуждения, а похвалы. В такой ситуации лучше сказать не *‘обманула, а объегорила* ≈ ‘обманное действие с положительной оценкой говорящего’, считающего, что адресат понес заслуженное наказание (ущерб). Точно так же, в приведенных выше примерах и Рокфеллер, и форвард совершили обманные действия, разрешенные правилами (биржи и футбола). По-видимому, этим и объясняется сомнительность фраз *‘Рокфеллер обманул держателей акций и ‘Форвард обманул [лучше — обвел, обошел] защитника (при полной корректности выражений обманный биржевой ход Рокфеллера, обманный финт форварда).*

Следует иметь в виду, что условие «д» в некоторых случаях утрачивает силу. Корректность фраз типа *Охотник обманул зверя [подстерег и застрелил волка]* или *Этим маневром Кутузов обманул Наполеона и вновь избежал прямого столкновения* свидетельствует о том, что в данных ситуациях адресат обманного действия (зверь, Наполеон) под условие «д» не подпадает.

Выражаю глубокую благодарность М. Н. Григорян и Т. В. Самариной за ценные советы.

ЛИТЕРАТУРА

- Би 2004 — *Хелен Би*. Развитие ребенка. СПб., 2004.
 Бутовская 2004 — *М. Л. Бутовская*. Язык тела: природа и культура. М., 2004.
 Вежбицкая 2002 — *А. Вежбицкая*. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // *Вопр. языкознания*. 2002. № 2 (4). С. 6—34.
 Вежбицкая 1996 — *А. Вежбицкая*. Язык. Культура. Знание. М., 1996.

- Гак 1998 — *В. Г. Гак*. Языковые преобразования. М., 2005.
- Гудолл 1992 — *Дж. Гудолл*. Шимпанзе в природе: поведение. М., 1992.
- Гумбольдт 1956 — *В. Гумбольдт*. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода // Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX вв. / Сост. В. А. Звегинцев. М., 1956.
- Зорина, Полетаева 2002 — *Зорина З. А., Полетаева И. И.* Зоопсихология: Элементарное мышление животных: Учеб. пособ. М., 2002.
- Кошелев 2007 — *А. Д. Кошелев*. О природе комического и функции смеха // Движение языка. Сб. в честь 70-летия Л. П. Крысина. М., 2007 (см. также <http://www.lrc-press.ru/05.htm>).
- Крайг, Бохум 2007 — *Грэйс Крайг, Дон Бохум*. Психология развития. СПб., 2007.
- Лайонз 1978 — *Дж. Лайонз*. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
- Макклелланд 2007 — *Д. Макклелланд*. Мотивация человека. СПб., 2007.
- НОСС 2004 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Москва; Вена, 2004.
- Реформатский 1968 — *А. А. Реформатский*. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. 1967. М. 1968.
- Сергиенко 2006 — *Е. А. Сергиенко*. Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд. М.: ИП РАН, 2006.
- Толстая 1995 — *С. М. Толстая*. Магия обмана и чуда в народной культуре // Истина и истинность в культуре и языке. Логический анализ языка. М. 1995. С. 109—115.
- Потебня 1956 — *А. А. Потебня*. Из записок по русской грамматике // Хрестоматия по истории языкознания XIX—XX вв. / Сост. В. А. Звегинцев. М., 1956.
- Шмелев 2006 — *Д. Н. Шмелев*. Проблемы семантического анализа лексики. М.: УУРС. 2006 (1-е изд.: М., 1973).
- Шмелев 1977 — *Д. Н. Шмелев*. Современный русский язык: Лексика. М., 1977.
- Якобсон — *Р. Якобсон*. Формальная школа и современное русское литературоведение / Ред.-сост. Т. Гланц. М., (в печати).